Текст · 10 сентября 2020, 09:48
Виталий Васильченко,

«Чтобы выиграть в расовой войне, мы должны открыть второй фронт из сотрудников спецслужб и бюджетников». Ультраправый терроризм в Германии

Покушения на активистов и политиков, расистские убийства, теракты в прямом эфире, единомышленники в силовых ведомствах и вооруженные группы, которым удается существовать годами благодаря предрассудкам полиции и под носом у множества работающих на спецслужбы информаторов. Специально для «Медиазоны» Виталий Васильченко разобрался, что представляет из себя ультраправый терроризм в современной Германии.

Ваша родина — это наш страшный сон

Вечером 19 февраля 2020 года 43-летний Тобиас Ратьен вышел из квартиры своих родителей в Ханау, небольшом городе в получасе езды от Франкфурта-на-Майне. Пару лет назад его должность в небольшом мюнхенском банке попала под сокращение, с тех пор Ратьен перебивался нерегулярными заработками и жил на пособие. Впрочем, нестабильное финансовое положение не стало помехой для его главного увлечения — стрельбы.

Несколько лет подряд Ратьен, легально владевший оружием с 2013 года, каждую неделю методично

практиковался в стрелковых клубах Мюнхена и Франкфурта-на-Майне.

Около 22 часов он добрался до района Кесселыштадт, который за счет низких цен на аренду приобрел за последние десятилетия репутацию «мигрантского» в глазах местного среднего класса. Стрелять Ратьен начал еще по пути к своей цели — кальянной и небольшому кафе. Жертвами этого теракта стали 9 человек[1], несколько получили тяжелые ранения.

У всех пострадавших было, как это принято называть на немецком языке, *Migrationshintergrund* — иммигрантское происхождение. Ратьен смог скрыться с места преступления — он вернулся домой, где застрелил собственную мать и затем совершил [-Роскомнадзор[2]].

За пару дней до нападения Тобиас Ратьен опубликовал в своем блоге несколько коротких видеообращений (одно из них — адресованное «белым американцам» — на английском языке) и 24-страничный манифест, в котором описал становление своих расистских, исламофобских, антисемитских и антифеминистских взглядов. Ссылаясь на социал-дарвинистские идеи и теории заговора, Ратьен призвал «истинный немецкий народ» к вооруженному восстанию против правительства и уничтожению целых стран. В Германии, уверен праворадикальный террорист, должен как можно скорее начаться «непредотвратимый процесс очистки истинных немцев от чужаков».

Сразу после теракта в Ханау полиция, а вслед за ней и значительная часть медиа, не стала связывать его с ультраправыми. К примеру, репортер таблоида *Bild* во время онлайна с места событий говорил, что стрелявшие предположительно «принадлежат к русскому сообществу» или турецкой мафии. Тем самым расстрел в Ханау встраивается в многолетнюю повестку немецких медиа, рассказывающих о «криминальных мигрантах из параллельных сообществ».

А вот праворадикальные сайты и блогеры сразу распознали в стрелке своего и начали с ликованием выражать свою поддержку. Не остался в стороне и депутат ландтага федеральной земли Гессен от ультраправой партии «Альтернатива для Германии»-[3] Райнер Ран: по его словам, кальянные — места притяжения мигрантов, и уже одним своим видом раздражают большинство добропорядочных немцев. Их посетителям стоило бы задуматься над своим поведением — в этом смысле, уверен депутат Ран, причины теракта в Ханау лежат на поверхности.

Спустя две недели в Ханау приезжает правительственная делегация — с речами в память о погибших выступают канцлер Ангела Меркель и президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер. Вслед за ними слово берет Саида Хашеми — сестра погибшего во время теракта немца афганского происхождения. В своей речи она помещает теракт в более широкий контекст расизма и дискриминации, с которыми повсеместно сталкиваются в Германии люди, воспринимающиеся обществом как национальные меньшинства.

Она говорит, что никто не заслужил жить в страхе в своей родной стране. «Это вовсе не первый теракт в Германии, совершенный ультраправым радикалом. Но остается надеяться и молиться, чтобы убийства в Ханау стали последними в череде праворадикального насилия», — заключает Саида Хашеми. Сама она — представительница поколения потомков мигрантов, открыто объявившего[4]: «Ваша родина — это наш страшный сон».

Принятие ответственности за преступления национал-социализма и память о Холокосте — важные составные части современной немецкой культуры, которые по сегодняшний день активно влияют на политику и общественные дискуссии в Германии.
Образовательная работа по борьбе с расизмом и антисемитизмом вместе с особым характером немецкой мемориальной культуры, оформившейся к концу 1980-х годов, приносят свои результаты: согласно социологическим опросам, немецкое общество отличается довольно низким уровнем распространения ксенофобии.
На фоне общего роста антисемитских настроений в Европе последних лет Германия даже ввела в январе 2018 года должность федерального уполномоченного по борьбе с антисемитизмом.

Тобиас Ратьен, расстрелявший девять человек в Ханау в 2020 году. Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Непрерывность правого террора

Исследователи праворадикального экстремизма, в частности, Сибилла Штайнбахер[5], отмечают, что история ультраправого террора в Германии берет свое начало еще в Веймарской республике. Отдельные преступления могут разделять десятилетия, но большинство из них находится в тесной идеологической, структурной и политической взаимосвязи. Как отмечает Штайнбахер, все крайне правые террористы оставляют после себя призыв к подражанию.

Датой рождения правого насилия в современной Германии историки называют февраль 1919 года, когда студент-юрист Антон Граф фон Арко расстрелял в Мюнхене левого журналиста и писателя Курта Эйснера — премьер-министра ненадолго провозглашенной Баварской социалистической республики. Убийца объяснял свой поступок антисемитскими идеями, правым мессианством и защитой Германии от коммунистической угрозы. Через несколько лет антисемитские круги Мюнхена, к которым принадлежал фон Арко, создали организацию «Консул», ответственную более чем за 200 политических убийств во времена Веймарской республики. Среди жертв «Консула» — министр внутренних дел Вальтер Ратенау. Позже члены организации пополнили ряды сторонников Гитлера и НСДАП и сыграли ведущую роль в формировании штурмовых отрядов национал-социалистов.

Именно национал-социалистическая элита, считает немецкий историк Фолькер Вайс, занимающийся

проблемами антисемитизма и ультраправого экстремизма, заложила основу для одного из наиболее устойчивых мифов в картине мира праворадикальных экстремистов. После окончания войны западное общество согласилось с идеей о том, что большинство немцев в гитлеровской Германии были лишь послушными исполнителями приказов, а причиной преступлений против человечности стали отдельные перегибы на местах[6].

Ультраправые транслируют этот миф с другим акцентом: в то время как обычные нацисты оставались бесславными рядовыми исполнителями, отдельные «герои-одиночки», в первую очередь, так называемый отряд «Вервольф»[7], бесстрашно рвались в бой с врагом. В своих исследованиях Сибилла Штайнбахер указывает, что мифологизированная история «партизан-вервольфов» и сегодня служит источником вдохновения для праворадикалов по всему миру. О нем, к примеру, упоминал правый террорист, убивший 50 человек в мечети города Крайстчерч в Новой Зеландии. Из мифа о «Вервольфе» берет свое начало и центральный в неонацистской идеологии концепт «маленькой войны»: праворадикалы по всему миру — в Европе, России, США и Австралии — уверены, что небольшая кризисная ситуация, чаще всего теракт, способна вызвать цепную реакцию по всей стране и привести их к власти.

Уже с 1946 года экстремисты закладывают бомбы в залы судов, занимающихся процессами[8] по вопросам денацификации, похищают и убивают левых активистов в английской, американской и

французской зоне оккупации. Не обошел стороной ультраправый террор и советскую зону — на территории будущей ГДР действовала «Боевая группа против бесчеловечности»[9]. В Западной

Германии в 1950-е годы Союз немецкой молодежи[10], члены которого не скрывали неонацистских взглядов, создал вооруженное крыло и начал готовиться к «Судному дню» — похищениям и убийствам политиков-социалистов.

С первых лет своего существования Федеральная служба защиты Конституции[11]

Германии сосредоточилась на коммунистической угрозе, недооценивая опасность праворадикальных экстремистов — например, для запрета Союза немецкой молодежи потребовалось вмешательство правительства Конрада Аденауэра.

В начале 1960-х немецкие праворадикальные бурши-[12] взрывают бомбы в Южном Тироле. В 1968

году активный участник уже оформившейся к этому времени неонацистской сцены Йозеф Бахман у дверей Социалистического союза немецких студентов[13] на Курфюрстендамм в Западном Берлине

стреляет в Руди Дучке — одного из лидеров студенческого движения. Дучке чудом остается жив. Несмотря на связи Бахмана с неонацистами, которые быстро обнаружили журналисты, официальное расследование приходит к выводу, что он действовал в одиночку.

Расследование покушения на Руди Дучке с новой силой разожгло дискуссию о преемственности между нацистской и демократической элитами в

Германии и о «коричневых сетях» в политике, полиции и спецслужбах. Историки отмечают, что готовность радикальных левых к вооруженной борьбе появилась именно как ответная реакция на государство, последовательное игнорировавшее проблему нацистского прошлого и угрозу со стороны правых радикалов.

Защита Конституции и теракт на Октоберфесте

Восприятие неонацизма как угрозы, исходящей только от экстремистов-одиночек, журналистка и политолог Андреа Репке, которая много лет пишет о немецкой неонацистской сцене,- называет одной из ключевой причин того, почему власти десятилетиями недооценивают опасность ультраправого движения в целом. Даже после покушения на Руди Дучке Германия избежала широкой дискуссии о существовавшем еще с пятидесятых годов неонацистском подполье, присутствии бывших членов СС в политической элите, провалившейся программе денацификации — а также о том, в какой мере начатая консервативной газетой *Bild* и другими изданиями концерна *Springer* травля левых активистов способствовала нормализации правого террора в глазах немецкого общества.

В 1970 году полиция задержала 14 членов неонацистского Европейского фронта освобождения-[14], планировавших покушение на канцлера

Вилли Брандта. Во время суда в Дюссельдорфе стало очевидно: праворадикалов вербовал в

эту организацию агент региональной Службы защиты Конституции Хельмут Краберг — перед ним стояла задача выяснить, насколько неонацистская сцена готова к вооруженному насилию. Подобная история повторяется еще несколько раз: с военно-спортивной группой *Hengst*-[15], Национал-социалистической боевой группой Великая Германия[16] и Национальным немецким освободительным движением[17] — каждая из этих группировок была инфильтрирована сотрудниками Службы защиты Конституции, подстрекавшими других участников к различным преступлениям.

26 сентября 1980 года студент-теолог Гундольф Келер во время Октоберфеста в Мюнхене положил в мусорный бак самодельную бомбу — взрыв унес жизни 13 человек, включая самого террориста, и еще 211 человек получили увечья. К 21 году Келер успел завести связи в среде неонацистов, регулярно участвовал в выездах военно-спортивной группы-[18] *Hoffmann* и посещал собрания ультраправого студенческого объединения *Hochschulring Tübinger Studenten*.

Журналисты описывали идеологию этого объединения как смесь из едва скрываемого расизма, агрессивного антикоммунизма и готовности как к партизанской войне, так и к прагматичному членству в Христианско-социальном союзе в Баварии-[19]. Власти до сих пор настаивают, что Келер действовал в одиночку — и что поводом для теракта стал проваленный накануне экзамен по истории Евангелий. Расследование довольно быстро

объявили закрытым, ссылаясь на психическое нездоровье студента, который, как утверждается, страдал от навязчивых мыслей, депрессии и мании преследования. В 1982 году министерство внутренних дел Баварии даже выпустило специальный отчет о теракте, в котором настаивает, что действия Гундольфа Келера ни в одной своей детали не соответствуют логике праворадикалов.

Связанные с расследованием теракта на Октоберфесте документы были засекречены до 2014 года. Как выяснили журналисты *Süddeutsche Zeitung*, следствие никогда всерьез не рассматривало в качестве мотива преступления связь Келера с неонацистами. Еще в восьмидесятых журналисты выяснили, что террорист посвящал в свои планы около десяти человек — но никто из них даже не был допрошен спецслужбой. Связи сотрудников Службы защиты Конституции с баварской неонацистской сценой, длившиеся десятилетиями, тоже никогда не были предметом официального расследования или проверки.

До воссоединения двух Германий ни общество, ни власти не воспринимали как угрозу существование ультраправых группировок, готовых при случае применять оружие, отмечает социолог Александр Хойслер. После падения Берлинской стены в обществе вообще закрепляется мнение, что неонацисты и насилие — исключительно проблема Восточной Германии, где уличные стычки между правыми и левыми определяют повседневную жизнь маленьких городов в девяностые. При этом отдельные неонацистские группы существуют в Западной Германии еще с первых послевоенных лет.

Гундольф Вильфрид Келер, совершивший теракт на Октоберфесте в 1980 году. Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Десятки единичных случаев

В семидесятых неонацистская сцена Германии несколько меняется, антикоммунизм отступает на второй план — на фоне растущей в стране враждебности по отношению к мигрантам[20] в центре ее идеологии оказываются расистские идеи о превосходстве «истинных немцев» над «чужаками».

В 1980 году Немецкая группа прямого действия-[21] устраивает серию терактов: весной неонацисты закладывают бомбы сначала на выставке об убийствах евреев в концлагере Аушвиц, затем в еврейской немецко-польской школе в Гамбурге, а летом группа берет на себя ответственность

за несколько взрывов в лагерях для беженцев.
В июне 1982 года неонацист Хельмут Окснер расстреливает на дискотеке в Нюрнберге трех человек и ранит еще нескольких. Как и большинство «экстремистов-одиночек», Окснер легально владел огнестрельным оружием и участвовал в тренировках ультраправых военно-спортивных групп. Тем не менее баварское министерство внутренних дел настаивает, что он был одиночкой, игнорируя в своем расследовании связи Окснера среди неонацистов.

На протяжении десятилетий, отмечают исследователи правого экстремизма, власти продолжают расценивать как «единичные случаи» серию совершенных ультраправыми терактов и вооруженных нападений — их очевидное сходство и определенную преемственность власти игнорируют. Расистские и антисемитские взгляды преступников — как правило, это мужчины средних лет — следствие обычно не рассматривает как мотив теракта, называя причиной их действий «нестабильную психику». К этому же сводится и основная версия следствия о расстреле в кальянной в Ханау в 2020 году.

Начиная с 1980-х адресатами ультраправого насилия становятся в первую очередь сами неонацисты — террористы стремятся стать примером для подражания среди единомышленников и занять свое место в праворадикальном каноне. Вырабатывается целая система символов и отсылок друг к другу — например, Тобиас Ратьен из Ханау в своем манифесте вспоминает об убийствах в мечети в новозеландском Крайстчерче. Террорист из Новой Зеландии в свою очередь ведет онлайн-трансляцию расстрела посетителей мечети, во время которой рассказывает,

как его идеологически обогатила повестка европейского движения идентитаристов[22]. В целом же в основе идеологии ультраправых террористов до сих пор лежат несколько модифицированные мифы о партизанском отряде «Вервольф», концепция «маленькой войны» и консервативные представления о героических идеалах маскулинности.

В немецком контексте, подчеркивает специалистка по антидискриминационному праву из Университета Гумбольдта Дорис Либшер, принято говорить о «враждебности по отношению к приезжим»[23] — во многом это помогает замаскировать нарастающую в последние десятилетия проблему расизма в Германии. По оценкам социологов, к концу 1990-х расистские взгляды перестали считаться табуированными и нашли свой путь из неонацистских кругов в остальное общество. Эскалация уличного правого насилия как в Западной, так и в Восточной Германии меняет общественный климат — и на фоне недооценки этой угрозы со стороны властей делает возможной историю Национал-социалистического подполья (NSU[24]).

Служба защиты Национал-социалистического подполья

На протяжении 13 лет Национал-социалистическое подполье занималось терактами и убийствами мигрантов — с 1998 года жертвами банды стали 8 человек турецкого происхождения, один грек

и одна полицейская-немка. Неонацисты из этой группы предприняли 43 покушения на убийство, осуществили три взрыва[25] и 15 ограблений. Точное число активных членов *NSU* до сих пор неизвестно — их окружение оценивается в 200 человек, среди которых есть ультраправые политики, неонацисты и праворадикальные интеллектуалы.

Все эти годы полиция была уверена, что за убийствами мигрантов кроются криминальные разборки этнических группировок. Этой версии большей частью придерживались и медиа, тогда как в турецком сообществе о расистских мотивах и возможной связи между преступлениями заговорили еще с конца девяностых. Как отмечает профессор социологии Университета Гумбольдта Юлиана Каракаяли, во многом именно институциональный расизм позволил Национал-социалистическому подполью просуществовать так долго.

В ноябре 2011 года Национал-социалистическое подполье само себя разоблачило — трупы двух участников группы, Уве Мундлоса и Уве Бенхардта, нашли в сожженном трейлере: опасаясь быть схваченными после неудачного ограбления, они решили покончить с собой. Их оставшаяся в живых сообщница Беате Чепе разослала в прессу и полицию заранее записанное видеообращение, на котором члены банды берут на себя ответственность за теракты и убийства, а также рассказывают о своих мотивах и идеологии.

Саморазоблачение террористов привело к глубокому внутриполитическому кризису в Германии — впервые обществу становятся понятны масштабы

современной неонацистской угрозы. История *NSU* показала и полный провал полиции и спецслужб в борьбе с ультраправым экстремизмом: за годы расследований и судебных процессов стало понятно, что имена участников террористической группы много лет были известны Службе защиты Конституции. Более того, спецслужба годами финансировала информантов из их окружения, иногда шестизначными суммами, а после разоблачения Национал-социалистического подполья засекретила или уничтожила значительную часть необходимых для расследования документов.

«Вы когда-нибудь видели нациста на велосипеде?». Что нужно знать о деле германского Национал-социалистического подполья

В деле остается много пробелов несмотря на громкий судебный процесс в Мюнхене, продлившийся пять лет, многочисленные парламентские (например,

Бундестага и Ландтага Северного Рейна-Вестфалии) и журналистские расследования.

До сих пор не ясно, остались ли на свободе другие активные участники террористической группы и почему спецслужбы, зная о существовании Национал-социалистического подполья на протяжении многих лет и даже установив с ними прямой контакт через своих агентов, так ничего и не предприняли. Как выяснили журналисты, в 2006 году во время убийства Халит Йозгат в Касселе на месте преступления даже присутствовал агент спецслужбы Андреас Темме — но полиция его никогда не допрашивала, и роль агента в этой истории так и остается непроясненной.

Все связанные с Национал-социалистическим подпольем материалы Службы защиты Конституции засекречены на 120 лет. Как считает юристка Дорис Либшер, их публикация, которой из года в год добиваются активисты, может привести к еще более глубокому кризису аппарата спецслужб и неизбежно поднимет слишком неудобные вопросы, которые Германия успешно игнорирует десятилетиями — например, если выяснится, что немецкие спецслужбы симпатизируют ультраправому терроризму.

Убийство политика Вальтера Любке

Спустя четыре года после саморазоблачения Национал-социалистического подполья, в октябре 2015-го, муниципальный президент округа Кассель от Христианско-социального союза Вальтер Любке встречается с избирателями и рассказывает, что в связи с обострением европейского миграционного

кризиса в округе планируется временно открыть центр приема беженцев.

Публика реагирует на новость враждебно, слышны оскорбления и расистские высказывания. Разгоряченная публика пытается сорвать выступление Любке, который старается и дальше вести дискуссию, но замечает: «Если выступающие против помощи мигрантам не разделяют демократические ценности этой страны, они в любой момент могут покинуть Германию».

Убитый нацистами политик Вальтер Любке. Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Высказывание Любке произвело эффект разорвавшейся бомбы: в ютубе и фейсбуке правые развернули агрессивную кампанию против чиновника, его семье сотнями посыпались угрозы. Травлю Любке поддержала не только праворадикальная «Альтернатива для Германии», но и его же собственный Христианско-социальный союз — правое крыло партии призвало политика уйти в отставку из-за этих слов. Призывы к расправе над Любке и его персональные данные, включая адрес, появляются на ультраправых сайтах — к слову, ни один из этих сайтов до сих пор не признан властями экстремистским.

Среди слушателей этого выступления Любке были и двое неонацистов — Штефан Эрнст и Маркус Хартманн. Четыре года спустя, в июне 2019-го, они

подъехали на машине к дому Вальтера Любке в деревне Истха — и в упор расстреляли политика.

Полиция вычислила убийц по оставшимся следам ДНК и задержала их спустя две недели: при обыске у Эрнста обнаружились подробные досье на 60 человек — среди них, например, лидеры еврейской общины Касселя, политики и активисты, помогавшие беженцам — неонацист рассматривал их в качестве потенциальных целей для будущих покушений. Убийцы Вальтера Любке не попадают в привычный паттерн «террористов-одиночек», на который так часто ссылались немецкие спецслужбы и полиция на протяжении последних 30 лет: Штефан Эрнст — один из наиболее известных неонацистов центральной Германии, давно находившийся в поле зрения Службы защиты Конституции.

Кроме того, как показало расследование, проведенное активистами антифашистской платформы *Exif*-, он был тесно связан с международной ультраправой организацией *Combat 18*, ответственной за теракты в Великобритании, Германии, Италии, Швеции и Швейцарии. Российская ячейка, обычно обозначавшая себя как *Blood and Honour/Combat18,* была тесно связана с расистским насилием в двухтысячные, близкие к ней активисты совершили теракт в дагестанском кафе в Орле, а лидер группировки тесно общался с нацистами из БОРН-, ответственными за 11 политических убийств. В России *Blood and Honour* признана экстремистской организацией. Запрещена *Combat 18* и в Германии.

Журналисты *Exif* утверждают: в убийство Вальтера Любке были вовлечены до десяти мужчин, каждый

из которых за последние десять лет так или иначе получал деньги от региональной Службы защиты Конституции за работу ее информатором. И через этих информаторов прослеживается связь между убийством политика и делом Национал-социалистического подполья — еще с начала нулевых некоторые из них поддерживали регулярный контакт с террористами из *NSU*.

Когда баварский ландтаг объявил минуту молчания в память о Вальтере Любке, депутат Ральф Мюллер из «Альтернативы для Германии» демонстративно отказался в ней участвовать — его партия официально осудила убийство, но даже в пресс-релизе сделала несколько оговорок, дающих понять, что преступление неонацистов «вполне себе объяснимо». После убийства Любке ультраправые по всей Германии открыто солидаризируются с его убийцами — в Берлине перед зданием парламента появилось граффити с текстом: «Любке получил по заслугам, Меркель — все еще нет».

Довольно быстро журналисты *Spiegel* выяснили, что Штефан Эрнст, как и многие представители неонацистской сцены в последние годы, установил связи с политиками из «Альтернативы для Германии», жертвовал деньги на их предвыборные кампании в федеральной земле Гессен и работал волонтером в избирательном штабе. Вместе со своим сообщником Маркусом Хартманном он принимал участие в марше в Хемнице[26], который стал одним из самых массовых выступлений праворадикалов за последние годы.

Общественное возмущение после убийства Любке- продлилось недолго — слишком неудобные вопросы вызывают обстоятельства его гибели. В Христианско-социальном союзе «кейс Любке» постарались как можно скорее забыть — политики из партии погибшего подчеркивают, что правые экстремисты застрелили его из-за известности как правозащитника и активиста, а не как члена партии и главу районной администрации.

Суд по делу об убийстве Вальтера Любке начался во Франкфурте 16 июня, как ожидается, процесс займет не меньше полугода. Активисты надеются, что во время суда станут известны новые подробности, которые, возможно, помогут связать убийство политика и дело Национал-социалистического подполья.

Как отмечает политолог Самуэль Зальцборн[27],

за последние четыре десятилетия консервативная партия, членом которой был Любке, заметно сдвинулась в вопросах миграции к крайне правому флангу. Сегодняшний лидер консерваторов, премьер-министр Баварии Маркус Зедер активно критикует «Альтернативу для Германии» как «враждебно настроенную по отношению к немецкой демократии», но одновременно продвигает в местном парламенте новый закон об интеграции, который, по словам экспертов и правозащитников, сильно дискриминирует мигрантов.

Партия Зедера как почетного гостя принимает в баварском парламенте премьер-министра Венгрии Виктора Орбана и выступает против введения санкций в отношении него, а правое крыло

Христианско-социального союза постоянно требует сдвинуть повестку партии сильно вправо, чтобы вернуть ушедших к «Альтернативе для Германии» избирателей.

Нацисты в штабе по борьбе с коронавирусом

Между убийством Вальтера Любке и терактом в Ханау ультраправые снова напомнили о себе: в октябре 2019 года в городе Халле[28] Штефан Балье попытался напасть на синагогу во время службы, приуроченной к празднику Йом Кипур. Попасть внутрь ему не удалось — в связи с окрепшими за последние годы антисемитскими настроениями и регулярными случаями вандализма местная еврейская община усилила меры безопасности.

Подорвав несколько гранат и коктейлей Молотова у ворот синагоги, Балье расстрелял проходившую мимо женщину и подростка возле лавки с шаурмой. Полиция вновь заговорила о «террористе-одиночке» с неустойчивым психическим здоровьем. Но как показали журналистские расследования, Балье долгие годы общался с радикалами-единомышленниками на анонимных форумах *4chan* и *Reddit*. Свой теракт он стримил на платформе *Twitch*, обосновывая свои действия антисемитскими, расистскими и антифеминистскими репликами.

«Мне трудно было даже представить, что в стране с нашей историей во время религиозного праздника может произойти атака на синагогу»,

— несколько растерянно заметил в своей речи президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер. На эту реплику сразу отреагировали представители немецких еврейских общин, указавшие, что за последние десятилетия ультраправые убили больше ста представителей этнических и религиозных меньшинств, синагоги и мечети регулярно оскверняются вандалами, а по офисам политиков не-немецкого происхождения стреляют из пневматических пистолетов.

Еврейские общины говорят о росте антисемитских настроений среди немцев, но большинство политиков по-прежнему настаивает, что Германия успешно проработала наследие национал-социализма — и антисемитизм в современной Германии представляет проблему, вновь проявившуюся только вместе с мигрантами из стран Ближнего Востока. По оценке политолога Андреа Репке, ответственность за значительное смещение границ допустимого в политическом дискурсе лежит в первую очередь на «Альтернативе для Германии», члены которой используют парламенты и прессу как трибуну для выражения своих правоэкстремистских и расистских взглядов.

Реакция политиков этой партии на неудавшийся теракт в Халле говорит сама за себя: депутат бундестага Штефан Бранднер призвал других парламентариев «перестать шляться со свечками по мечетям и синагогам», а его коллега из саксонского ландтага Роланд Ульбрих спросил в фейсбуке: «Что хуже? Поврежденная дверь какой-то синагоги или двое убитых немцев?». «Альтернатива для Германии» многое делает для нормализации ультраправых

взглядов в немецком обществе: политики редко отказываются от интервью, открыто заигрывают с неонацистами и даже нанимают некоторых из них на работу. Прошлой осенью стало известно, что связи некоторых членов партии с неонацистами и их экстремистские высказывания стали предметом расследования Службы защиты Конституции.

После покушения на синагогу в Халле ультраправые, называющие себя «Национал-социалистическим наступлением», разослали письма с угрозами политикам и членам немецкого правительства, выступавшим в поддержку беженцев. Они снова угрожали терактами и расправами.

Спецслужбы и политики все еще не готовы признать угрозу, годами исходившую от ультраправых и приобретшую новые масштабы на фоне миграционного кризиса в Европе, считает профессор социологии Юлиана Каракаяли из Университета Гумбольдта. Правый поворот в консервативной политике и размывание границы между правыми и ультраправыми позициями в обществе отражаются и на сотрудниках силовых ведомств: в последнее время в немецких медиа нередко появляются расследования о неонацистских сетях в армии и спецслужбах.

В 2018 году глава Федеральной службы защиты Конституции Ханс-Георг Маасен ушел в отставку из-за своих контактов с ультраправыми и открытой поддержки их шествия в Хемнице, из-за чего на него обрушилась критика со стороны политиков, журналистов и гражданского общества. После отставки Маасен нередко выступает в

медиа с расистскими высказываниями, оправдывая экстремистов.

Бьйорн Хеке, один из лидеров наиболее радикального крыла «Альтернативы для Германии», официально признанный судом фашистом,[29] в своей книге использует риторику, напоминающую «Майн кампф»: «Чтобы выиграть в расовой войне, мы должны открыть второй фронт, состоящий из недовольных сотрудников спецслужб и бюджетников — они важнейшие союзники в нашей борьбе».

В начале июня берлинская газета *taz* опубликовала новое расследование о праворадикалах в армии и штабе по борьбе с распространением коронавируса в Германии: по информации издания, с 2015 года группа из нескольких военных, налоговых консультантов и учителей готовилась к государственному перевороту и началу «расовой войны». Герои расследования снова с трудом попадают в привычное клише «экстремистов-одиночек»: у некоторых из них есть доступ к государственной тайне, они официально числятся резервистами бундесвера во время пандемии и работают вместе с известными экспертами и политиками в главном штабе по борьбе с коронавирусом.

Источники:

Jan Schedler, Alexander Häusler. Autonome Nationalisten : Neonazismus in Bewegung. VS Verlag Für Sozialwissenschaften / Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden, 2011.
Juliane Karakayali, Kahveci Çagri, Doris Liebscher, Carl Melchers. Den NSU-Komplex Analysieren :

: Aktuelle Perspektiven Aus Der Wissenschaft. Bielefeld :: Transcipt Verlag, 2017.
Andrea Röpke. Blut Und Ehre : Geschichte Und Gegenwart Rechter Gewalt in Deutschland. 1. Aufl.. ed. Berlin
Imke Schmincke, Jasmin Siri. NSU-Terror: Ermittlungen Am Rechten Abgrund. Ereignis, Kontexte, Diskurse. Bielefeld: Transcript Verlag
Samuel Salzborn. Rechtsextremismus : Erscheinungsformen Und Erklärungsansätze. 3., überarbeitete Und Erweiterte Auflage. ed. Baden-Baden: Nomos, 2018.
Sybille Steinbacher. Rechte Gewalt in Deutschland : Zum Umgang Mit Dem Rechtsextremismus in Gesellschaft, Politik Und Justiz. Göttingen: Wallstein Verlag, 2016.
Winfried Nerdinger, Mirjana Grdanjski, Ulla-Britta Vollhardt, Nie Wieder, Schon Wieder, Immer Noch : Rechtsextremismus in Deutschland Seit 1945. Berlin: Metropol, 2017.
Armin Pfahl-Traughber. Rechtsextremismus in Deutschland: Eine Kritische Bestandsaufnahme. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2019.
Mechtild Gomolla, Ellen Kollender, Marlene Menk. Rassismus Und Rechtsextremismus in Deutschland : Figurationen Und Interventionen in Gesellschaft Und Staatlichen Institutionen. 1. Auflage. ed. Weinheim: Beltz Juventa, 2018.
Andreas Klärner. Moderner Rechtsextremismus in Deutschland. 1. Aufl.. ed. Hamburg: Hamburger Ed., 2006.
Volker Weiß. Die Autoritäre Revolte : Die Neue Rechte Und Der Untergang Des Abendlandes. Stuttgart: Klett-Cotta, 2017.

Редактор: Егор Сковорода

1. Гёхан Гютелкын, Седат Гюрбюз, Саид Несер Хашеми, Мерседес Кирпач, Хамза Кенан Куртович, Вили-Виорель Паун, Фатих Саракоглу, Ферхат Унвар и Калоян Вельков.

2. В связи с претензиями Роскомнадзора «Медиазона» вынуждена цензурировать выражения, которые, по мнению ведомства, нарушают закон – например, информацию о способах совершения суицида, о наркотиках, оскорблениях власти и многом другом.

3. Alternative für Deutschland (AfD).

4. Eure Heimat ist unser Albtraum — сборник эссе молодых немецких писателей мигрантского происхождения, в котором они описывают свой опыт жизни в Германии, столкновение с расизмом, дискриминацией и насилием. Впервые был опубликован в феврале 2019 года и быстро стал бестселлером.

5. Профессор истории в Университете Гёте Франкфурта-на-Майне и руководительница института имени Фрица Бауэра (Fritz Bauer Institut). В центре ее исследований — преступления национал-социализма, история Холокоста и ультраправого террора в Германии.

6. Первые судебные процессы о преступлениях Холокоста состоятся в Германии лишь в начале 1960-х, это так называемые Франкфуртские процессы. Только в это время широкой общественности впервые стал понятен масштаб преступлений, совершенных нацистами в концлагерях.

7. Так принято называть отряды ополчения, созданные для партизанских диверсий — взрывов и убийств — в тылу советских войск в конце войны. Историки спорят о том, насколько успешны были эти акции и не являются ли они по большей части пропагандистским мифом.

8. Эти суды носили не уголовный, а политический характер.

9. Kampfgruppe gegen Unmenschlichkeit (KgU).

10. Bund Deutscher Jugend.

11. Bundesamt für Verfassungsschutz, спецслужба, в компетенцию которой входит борьба с экстремизмом, терроризмом и контрразведка на территории Германии.

12. От немецкого Burschenschaften — существующие в Германии, Австрии и Швейцарии с середины XIX века мужские националистические объединения. Взгляды их членов в простираются от умеренных правоконсервативных до открыто неонацистских. Многие Burschenschaften активны по сегодняшний день и используются ультраправыми как кузница кадров: многие политики праворадикальных партий (AfD в Германии или FPÖ в Австрии) были и остаются их членами.

13. Sozialistischer Deutscher Studentenbund (SDS).

14. Europäische Befreiungsfront (EBF).

15. Wehrsportgruppe Hengst.

16. Nationalsozialistische Kampfgruppe Großdeutschland.

17. Nationale Deutsche Befreiungsbewegung.

18. Начиная с 1970-х годов в Европе под видом военно-спортивных упражнений праворадикальные группы проводят идеологическую и военную подготовку для своих сторонников.

19. Партии Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз образовали в Германии правоконсервативный правящий блок (ХДС/ХСС). Канцлер Германии Ангела Меркель — член ХДС.

20. Во время послевоенного экономического восстановления Западная Германия постоянно нуждалась в дешевой рабочей силе — ФРГ заключала по привлечению рабочих договоры с Турцией, Югославией, Марокко, Тунисом, Италией, Грецией и Португалией и Южной Кореей.

21. Deutsche Aktionsgruppen.

22. Международное ультраправое движение, в основе взглядов которого лежит идея «белой культурной идентичности», которую необходимо защищать от «угрозы исламизации». По оценкам экспертов, движение использует нацистские и правоэкстремистские клише под видом консервативной политической философии. В большинстве стран Европы находятся под наблюдением спецслужб в связи «угрозой для демократии».

23. Fremdenfeindlichkeit.

24. Nationalsozialistischer Untergrund (NSU).

25. В Нюрнберге в 1999 и Кельне в 2001 и 2004 году.

26. В 2018 году в Хемнице в пьяной драке с мигрантами погиб 23-летний Даниэль Хиллиг, по подозрению в его убийстве были задержаны выходцы из Ирака и Сирии. Смерть Хиллига стала поводом для массовых уличных акций ультраправых в Восточной Германии.

27. Политолог и специалист по вопросам борьбы с антисемитизмом,- профессор Гисенского университета.

28. Федеральная земля Саксония-Анхальт.

29. В сентябре 2019 году во время разбирательства по делу о клевете суд признал, что характеристика Хеке как «фашиста» соответствует его взглядам и не является клеветой.